

Моск. комсомолец - 2004 - Зима - с. 1, 4.

ПЕЛЬТЦЕРОВА СОНАТА

У нее не было никакого актерского образования. И она первой получила звание народной артистки СССР в своем театре.

Сразу после прихода к власти Гитлера она уехала в Германию.

Первая ее роль на сцене — роль завзятой картежницы. И в реальной жизни любители преферанса не раз просиживали в ее квартире ночи напролет.

Из Театра имени Моссовета ее выгнали “за профнепригодность”. А из Театра сатиры она ушла по собственной воле, не побоявшись на прощание обзвать главрежа сумасшедшим стариком.

Образец неунывающей старости, Татьяна Пельтцер, казалось, не имела возраста. И тем не менее 6 июня актрисе исполняется 100 лет.

Сегодня в “МК” — неизвестные страницы жизни великой комической актрисы в рассказах ее друзей и коллег.

Читайте 7-ю стр.

ТЕАТРАРИУМ

Ведущая Марина РАЙКИНА

Тел. 781 47 02, e-mail: raikina@mk.ru

Дитя кулис

У будущей великой русской актрисы мать — еврейка, отец — из немцев. Известный киноактер и антрепренер Иван Романович Пельтцер занимает дочь в своих спектаклях с ранних лет. В 9 лет смешная крошка выходит в спектакле "Камо грядеши", дальше работает мальчиком Сережей в "Ане Карениной". Она тянет ручки к матери, запутавшейся в любовных связях, и в зале чувствительные дамы рыдают над судьбой ребенка.

Ольга Аросева:

— Я спрашивала ее: "Татьяна Ивановна, вы что же, в штанах мальчужков играли?" А она мне: "Нет, в своей ночной сорочке". Иван Романович ее всему научил, и у них были очень своеобразные отношения. Мы много вместе играли, и был у нас такой обычай — найти 25 рублей на двоих, чтобы поужинать после спектакля в ресторане ВТО. Небогатая закуски — рубленая сельдь, капуста, горячее, по 100 граммов водки. И вот иногда ее папаша там нас засекал. Это было так смешно, когда он делал дочке выговор. Один раз я не выдержала и сказала: "Папаша, простите, вы тоже сюда ходите?". "Настоящий актер, — ответил он, — после спектакля не может прийти домой, нажраться пельменей и лечь спать. Он идет с товарищами в ресторан обсудить, как играл. А вы здесь жрете вишнегет и говорите, что к кем живет". "Ладно ханжиге, папаша. Мы тоже о творчестве говорим", — сказала ему Татьяна. Но очень уважительно, она была с ним только на "вы".

Он влюблялся, женился, оставлял квартиры молодым женам и даже жил в общежитии нашего театра, в комнате дочери. Татьяна Ивановна тогда переехала к матери.

Но пока этого не произошло, Татьяна вовсю занимается профессией. В 20 лет открывается ее профессиональный стаж. И тут надо сказать, что упорным карьерным ростом он не отмечен. Во всяком случае, в трудовой книжке список театров, где она не удержалась — Передвижной театр политуправления, труппы Нахичевани, Ейска, Колхозный театр (даже такой был). Из труппы Театра МГСПС — нынешнего им. Моссовета — Пельтцер "попросили" за профнепригодность. Кстати, там она встретилась с Раневской. Потом Театр миниатюр, где рядом сильнейшие конкурентки — Рина Зеленая, Мария Миронова, Театр киноактера и, наконец, Театр сатиры, куда не очень удачливая актриса поступает в 1947 году. Циркообразный дом на Садовом кольце стал судьбой.

Гитлер не виноват

Впрочем, театральная Москва могла и не узнать актрису Пельтцер, так как в 26 лет она выходит замуж за немецкого коммуниста Ганса Тейблера и уезжает с ним в Берлин. Вовсе не плохо складывается там жизнь — муж, судя по всему, человек со связями, устраивает ее машинисткой в советское торгпредство, вводит в круг своих коллег. Немские товарищи явно одобряют выходы коллеги: у его русской жены отличная фигура, шарм, и она совсем не по-советски открыта и свободна. Однако семейное счастье заканчивается достаточно быстро.

Почему? Туманная история, которая много лет имеет одно объяснение — исключительно политическое: к власти пришел Гитлер, и всем коммунистам с их семьями приходится трудно. Но почему-то в Россию от гитлеровского режима жена коммуниста Тейблера уезжает одна. И только спустя много лет появляется еще одна версия расставания.

Ольга Аросева:

— Надо сказать, что Татьяна Ивановна всегда поддерживала с Гансом хорошие отношения. Она принимала у себя в квартире на Черняховского его внука Жака, который у нас учился. И вот однажды мы все встретились в Карловых Варах. Они так мило разговаривали, стоя на балконе, что я не удержалась и потом сказала Гансу: "Как это все-таки ужасно, что Гитлер, война разлучили вас". И вот что ответил Ганс подруге бывшей жены: "Оля, Гитлер во многом виноват, но только не в этом". И поведал, что однажды нашел у жены записку своего товарища.

Но есть еще один факт, который ставит под сомнение и эту историю. Много лет актриса Пельтцер была невезучей. Даже на заре прорыва у нее были большие проблемы с поездкой в США. Можно предположить, что так аукнулось ей короткое пребывание в Германии.

Свадьба с прикупом

Итак, Театр сатиры. Первоклассный режиссер Борис Раневский дарит роль, которая делает ее знаменитой. Речь идет об уникальном спектакле "Свадьба с приданым" 1950 года. Блистательный состав — Вера Васильева, Виталий Доронин и Татьяна Пельтцер. Ей достается отрицательный персонаж — роль деревенской тунячки-картежницы Лукерьи Похлебкиной, которую, как и следует ожидать, переосмысливает советская власть. Впрочем, никакая идеология не властна над ее талантом. Я переосмысливаю эту лирическую комедию с колхозным уклоном и ловлю себя на том, что не могу отвести взгляда от Пельтцер. Особенный, как будто скрипящий голос, угодливости в движениях, легкая паника перед лицом председатели колхоза... Из ничего — море обаяния и как результат — всеобщая любовь. А между тем ей уже 46 лет.

— Каким она была партнером? — спрашиваю Аросеву.

— Она актриса очень индивидуальная. С ней было тяжело только в том смысле, что она подавляла своей мощью, но никогда не изображала звезду. Наоборот, когда на сцене она увидела, что у меня маленькая концертная ставка, сказала: "Ну как же это, Оля, я пойду скажу. Тебя ведь лучше меня принимают, а ты получаешь в два раза меньше моего".

У нее были враги?

— Конечно, были. Она человек очень открытый, что думала, то и говорила. Поскандалила с Плучечком и ушла из Сатиры.

Но до этого события еще далеко, и Пельтцер продолжала играть в театре, получать приглашения в кино на роли мамаш — сначала солдата (фильм "Солдат Иван Бровкин"), потом укротительницы тигров в одномном фильме. И, надо сказать, она по проволочке ходила так же естественно и блистательно, как по деревенской улице. Все ее мамы, тетушки, а позднее бабушки — трогательно-смешные. Никакой идеологии и моральности, а лишь неповторимый шарм. А какой она была в жизни?

Кофе белый, икра черная

Актерский дом на улице Чернышевского. Небольшая двухкомнатная квартира, где сейчас живет бывшая домработница Пельтцер Анна Кукина. Говорит, что все осталось как при Татьяне Ивановне: на стене, ближе к окну, портреты отца, матери и любимого брата Саши, он был конструктор. Стол, пара кресел образца начала 70-х годов и книжные полки.

— Я вот только занавесочки поменяла, — говорит Анна Александровна. Она была возле актрисы 22 года. — Когда я пришла к ней первый раз, то Татьяна Ивановна бросила на ходу мне ключи и уехала на репетицию. Днем позвонила и сказала, что едет на обед. Она хозяйственная

Фаина Раневская и Татьяна Пельтцер.

Татьяна Пельтцер, конец 20-х годов.

была, хорошо готовила. Надо сказать, что тут экранный образ полностью расходился с жизненным. Пенсионерка-растеряха, непоседа в кино и чистоплюйка, актриса с немецкой организованностью в жизни. В театре все знали, что на гастроли Татьяна Ивановна возила с собой в чемодане плитку, кастрюльки и все, что к ним полагается. Никогда не ела в столовой, все готовила в номере.

Ольга Аросева:

— Очень собранная, очень хозяйственная, разборчивая и в еде, и в одежде была. Кофе готовила она никогда не покупала: брала в зернах, но белый, и сама жарила, причем столько, чтобы хватило на утреннюю порцию. Ее домработница пекла такие ромбики, а к ним полагалась икра черная, масло. Звонила мне: "Ну что, ты встала? Кофе не пей, беги ко мне". Всеядная такая завтрак у нее был. Еще — овсянка, сваренная в пароварке. Замечательно она солянку рыбную делала, чему меня и научила.

А как она собирала чемоданы — этому надо было поучиться! Он у нее был как маленький шкаф, где все по отдельности — костюмы, обувь. Чистюля в любой ситуации. На целине вшивая грязная гостиница, а у нее всегда плитка, салфетки, серебряная ложечка для чая.

Наверное, весь театр питался?

— Нет. Только Иван Никифорович Бодров. Он молчаливый человек был, полная противоположность ей. Выпить любил и закусь.

Этот самый артист Бодров был любовью Татьяны Ивановны. Яркого следа в искусстве он не оставил, в жизни был молчалив и имел семью. Татьяна Ивановна бегала к нему на свидания, надеялась сложить свое счастье. Правда, однажды удивила товарищей по театру, заявив, что ее мужем был зав. труппой, некий Яковлев. Впрочем, информацию о личной жизни всегда сводила к минимуму. И никогда не производила впечатление плачущей женщины с неудавшейся судьбой, была легкой, молодой и порывистой.

— С кем из родственников Татьяна Ивановна поддерживала отношения?

— С братом Сашей, она его очень любила, — говорит домработница. — А с его бывшей женой — нет, потому что, когда Саша попал в аварию и стал инвалидом (у него были парализованы ноги), та от него ушла, забрала все и оставила ему только сломанную кровать. В эту квартиру приходил его сын, он все время требовал у него денег. Только Татьяна Ивановна его и поддерживала. Бывало, скажет мне: "Отнеси Саше обед". И я бегом к нему.

— Она переживала, что у нее детей нет? — Никогда. Однажды я пожаловалась, что у дочки колготки летят, не успеваю зашивать, сама в рваных жоку. А Татьяна Ивановна только вздохнула: "Хорошо, у меня детей нет".

До конца дней своих Татьяна Ивановна сохраняла прекрасную фигуру. И до болезни занималась каждое утро зарядкой.

— Я однажды открываю дверь, вхожу и вижу голые ноги на полу — вроде как лежит Татьяна Ивановна, — продолжает домработница. — Я напугалась, думаю, мертвая.

— Аня, это я, входи, — кричит она. Я вхожу и вижу: на полу лежит совсем голая Татьяна Ивановна и делает зарядку. И такие сложные упражнения! И все повторяла мне, что мне тоже надо заниматься физкультурой.

— Как она вела себя, когда ее узнавали на улице?

— Ей это нравилось. Но очень не любила, когда хотели бесплатно что-то дать. "Нет, нет, не бедная, у меня есть деньги", и всегда рассчитывалась. Однажды продавец арбузов все-таки всучил мне бесплатно арбуз, я заглянула ему в сумку, а Татьяна Ивановна отчитала меня: "Я больше не буду с тобой ходить". Стеснялась брать, была очень щепетильная. И сдачу никогда не брала.

"Сам дурак..."

По большому счету все идет замечательно. Роль, бурная общественная жизнь — Пельтцер выбирает депутатом. Пока партноменклатура еще не проворачивалась, а олигархи от демократов еще не родились, артистка Пельтцер добросовестно, но без пафоса выполняет свой гражданский долг: выбивает квартиры, телефоны, путевки для коллег. Очень любила свою гримершу Полину и выхлопотала для нее очень хорошую квартиру.

Инна Чурикова:

— Мы познакомились на фильме "Морозко". Татьяна Ивановна играла мать жениха Настеньки. И вот я помню ее как кадром: в руке си-

С отцом Иваном Романовичем.

гарета, а вокруг — постоянно люди из театра со всякими делами. И она их так серьезно слушает, решает, что делать. Очень деловая женщина, а входит в кадр, и — веселая, беззаботная бабунька.

Она становится первой народной артисткой СССР в Театре сатиры, подтверждая свою народность в шумных спектаклях — "Безумный день, или Женитьба Фигаро", "Мамаша Кураж", "Проснись и пой" в постановке Марка Захарова. Ее тету Тонни, что поет, танцует и соединяет влюбленных, обожает. Слава растет. Она — прима Театра сатиры.

И вдруг... Идет репетиция "Горя от ума". В зале — главный режиссер Валентин Плучек, на сцене — почти весь состав театра. Однако за кулисами, где слышна репетиция по трансляции, все в недоумении: идет текст явно не по Грибоедову. "Не буду это делать", "Безумная старуха", "Идиот, дурак"...

Анатолий Гузенко, актер Театра сатиры:

— Нет, никакого "идиота" и "дурака" не было. Ситуация была такая: на сцене хореограф, его пригласили поставить движение, и Плучек хотел, чтобы Татьяна Ивановна тоже повторяла все с артистами. А она: "Эту эрунду делать не буду". Слово за слово. Мы все следили, как слова летели в зал и из зала на сцену. В конце концов она закричала: "Вы сумасшедший старик", а он ей: "Безумная старуха".

Михаил Державин в костюме Скалозуба спустился на первый этаж и сказал Ольге Аросевой: "Быстро уходите из театра, вас Плучек зовет на сцену".

— Ольга Александровна, вспомните тот драматичный момент.

— Я выбежала из театра, Татьяна Ивановна тут же выбежала за мной, ругая Плучека: "Я пойду, я скажу ему все"... Я ее удерживала, увезла домой, хотя та требовала, чтобы я ее отвезла к Марку (Марк Захаров в то время возглавлял "Ленком". — М.Р.). После всего случившегося я не ходила неделю в театр. Плучек вызвал меня и сказал, что назначает меня на ее роль в "Горе". "Это неправильно", — сказала я, — если Пельтцер уйдет, это будет большая потеря для театра. Опомнитесь оба". Но они не опомнились. Она ушла к Марку, а я стала играть ее роли.

— Татьяна Ивановна не обиделась на вас?

— Нет, для нее вопрос ухода был решен раньше и нужен был повод. По сути, она конфликт и спровоцировала. Но Татьяна Ивановна себя никогда не сдерживала, говорила, что думает. И никогда не делала исподтишка, назло.

Нина Корниенко играла в "Проснись и пой" главную роль:

— Я помню, что на гастролях у меня поднялась температура и я не смогла прийти утром на репетицию. Плучек стал ругаться, требовать, чтобы я пришла, а Татьяна Ивановна вдруг выбежала на сцену, раскинула руки, как птица, и закричала: "Не трогайте ее!" И меня оставили в покое.

Уход... Такие вещи происходят во вдруг. Артистка разлюбила одного режиссера — Валентина Плучека, влюбилась в другого — Марка Захарова. Она ждала других ролей — главных, которые выходят за рамки ее комического амплуа. Ведь

ПЕЛЬТЦЕРОВА СОНАТА

Лукерья Похлебкина ("Свадьба с приданым" 1950 г.).

Великая актриса была великой картежницей

мощь ее таланта больше, чем то, что ей предлагали. Заблуждение это или правда? Уход из Сатиры — это верный поступок или роковой шаг?

Блеф не для нее

Тогда, в 1977 году, уход из Сатиры не кажется трагедией. Пельтцер продолжает активно жить, не изменяет своим многолетним привычкам и пристрастиям. И в первую очередь карточным.

Анна Кукина:

— Когда здесь собирались в преферанс, весело было. Играла Токарская, Аросева, Байков, Зельма Гена (замдиректора театра. — М.Р.). Они играли, а я им готовила: чай подавала, закуски. Они поиграют-поиграют, потом чайку попьют. Однажды Татьяна Ивановна сказала Аросевой: "Ольга, пригласи нас, а то мы все здесь да здесь". — "У меня, Татьяна Ивановна, такого стола нет". — "Ладно, когда я умру, заберите его". Теперь этот стол у Ольги Александровны. Курилки они — дым столбом стоял. Татьяна Ивановна все проигрывала. А Токарская — выигрывала. Собирались к семи, а уходили к часу.

Что там к часу, Пельтцер можно было позвонить под утом и сказать, что не хватает человека, чтобы расписать пулю. "Ладно, приходите", — говорила она без упрека, что на часах, например, половина четвертого утра.

Мамед Агаев, директор Театра сатиры: — Я тогда работал администратором. Эта компания собиралась еще на улице Горького у Валентины Токарской. Это был целый спектакль. Токарская играла аккуратно, а Татьяна Ивановна очень темпераментно. Ругалась и однажды чуть не подралась с Байковым, так накалились страсти.

Но при всей любви к преферансу Пельтцер была игроком неудачливым, потому что очень эмоциональна и не умела блефовать. На гастролях, когда у артистов быстро кончались деньги, так и говорила: "Пойдем к Пельтцер играть".

— По сути, вы ее общичали? — спрашиваю Ольгу Аросеву, единственную из той прежней компании. — По сути, да. Ведь это она с Токарской учили меня играть на Дальнем Востоке, и я проиграла им 200 рублей — по тем временам колоссальные деньги. И Раф Холодов, который играл с нами, пожалел меня: "Остановитесь, она же девочка, не может на равных играть". "Нет! — за-

кричали они. — Иначе она никогда не научится!". А я думаю про себя: "Я вам покажу, когда выучусь". И действительно их обыгрывала.

Веселая ворчунья

Если на минутку представить, что в момент перехода из одного театра в другой ей было 73 года, то можно только поразиться сему отчаянному поступку. Но те, кто знал ее, — не удивлялись: Пельтцер — мастер резкого жеста и крутых решений. И при этом — веселая, неунывающая.

Инна Чурикова:

— Была очень живой, озорницей и интеллигентной при этом. Без возраста, я звала ее Танюша. И равная со всеми, как аристократка.

Сыграла более десятка ролей. Смешные громкие в "Поминальной молитве", "Три девушки в голубом". Марк Захаров не раз был свидетелем сумасшедшей любви к ней публики: люди плакали навзрыд и смеялись от счастья, когда она выходила на сцену. Очевидно, она несла мысль о веселой, неунывающей старости.

— Марк Анатольевич, все знают, что она вас обожала.

— Вначале она меня не приняла. Когда я в Театре сатиры сделал экспликацию спектакля, воцарилась пауза, я решил, что поразил всех. И вдруг голос Татьяны Ивановны: "Что же это такое — как человек ничего не умеет делать, так в режиссуру лезет?"

Знаете, в ней была фантастическая особенность — она никогда не фальшивила. Могла что-то неправильно делать, но никогда не кривлялась. И относилась с уважением к режиссерской профессии. Когда она переходила в "Ленком", сказала мне: "Я у вас буду играть все, что вы мне скажете. Кроме одного...". И показала пантомимой авангард и современную режиссуру. Но показала блестяще. Если ворчала, то весело. И конечно, ее фразы: "Ни один спектакль от репетиции лучше не становится". Или: "Вот вы, Марк Анатольевич, все сидите, подолгу репетируете, а вот у Корша каждую пятницу была премьера".

Принес ли счастье переход в другой театр? Пельтцер никогда не обсуждает с сатиравцами этот вопрос, давая понять, что такой проблемы для нее не существует.

Но с годами приходит беда — актриса начинает терять память.

Анна Кукина:

— Забывала и текст, память стала терять. Вот, бывало, вытаскивает текст, посадит меня напротив за стол: "Ты сиди, а я буду тебе говорить. Где неправильно, ты меня поправляй". "Ты только меня не бросай, — говорила мне, — я на тебя квартиру сделала".

На последних "Поминальных молитвах" ее выводит Александр Абдулов и подсказывает текст.

Ольга Аросева:

— Однажды она мне позвонила: "Ольга, я вчера спектакль играла. Текст не помню, Сашка мне подсказывал. Я вышла, а мне аплодировали". Она явно была довольна. "Но как же иначе, Татьяна Ивановна". — "Ну да, ну же очень плохо". Она ведь все понимала.

Горе от ума

Самый конец 80-х — начало трагического финала ее жизни. С головой становится все хуже. Развивается мания подозрительности.

Анна Кукина:

— Татьяна Ивановна стала ко мне плохо относиться. Бывало, чуть не в драку лезет, если я иду на кухню. "Это моя кухня. Не ходи. Ничего не бери" — и выталкивала меня в комнату. Я сяду в кресло и плачу. Даже в туалет меня не пускала, я просилась к соседям.

Нашлись люди, которые пользовались плохим состоянием актрисы. Так, в доме появилась некая администраторша Большого театра, которая сначала настроила Пельтцер против домработницы: "Вы смотрите, Татьяна Ивановна, за ней. Она у вас ворует". А потом заставила больную женщину переделывать завещание, забрала сберегательные книжки.

В конце концов домработница не выдержала и ушла. Месецев восемь не появлялась в квартире на "Аэропорте". Пельтцер все труднее было справляться. Болезнь прогрессировала, за ней требовался уход. А актриса была совсем одна. В моменты просветления говорила соседке: "Найдите мою...", но имя не называла — не помнила.

Случилось страшное, она попала в психушку.

Ольга Аросева:

— Она попала в Ганнушкина. "Ленком" в это время был на гастролях, и мы с Мамедом (Мамед Агаев — директор Театра сатиры. — М.Р.) поехали туда. Она вся в крови была, расцарапанная. Врач сказал, что дерется, очень агрессивная. Ничего страшнее в своей жизни, чем в этом доме, я не видела — сумасшедшие старухи шныряли как мыши. Татьяна к нам вышла, Мамед только смотрел в окно и рыдал. А она мне: "Возьми меня отсюда". Забыла мое имя, но, когда врач спросил ее, кто я, напряглась: "Друг мой". Когда я сказала, что на гастроли едем, она вдруг спросила: "А подруга моя едет?" — "Токарская, кто ли? Да, едет". — "Вот б...", — вдруг сказала Татьяна Ивановна.

Тогда я нашла Инну Чурикову, а она уже своих на гастролях подняла, и из Ганнушкина Татьяну Ивановну перевели в другую больницу, более-менее приличную.

Последняя сигарета

Из больницы Татьяна Ивановна уже не вышла.

— Я ходила к ней, мыла ее, меняла каждый день белье, готовила, как она любила, геркулесовую кашку на пару, — вспоминает Кукина последний день жизни Пельтцер. — "Ленком" деньги мне на это давали. В тот день, когда я пришла в последний раз, она меня узнала. "Это моя, — говорила она врачам, — моя!" Только глядела меня по руке и показывала движением пальцев, что, мол, хочет курить. Я достала сигарету "Мальборо" (Татьяна курила только их), и она с удовольствием выкурила. Потом еще покурила. Когда врачи пришли с обходом и спросили: "Ну как, Татьяна Ивановна, дела?" — показала большой палец: "Во!" Она гладила себя по груди и явно была довольна. Ей же медсестры не давали курить. Она даже улыбалась, но в глазах уже была какая-то мусть. И по имени назвать никого не могла.

Я переодела ее, надела чистую рубашечку, перестелила постель. У нее даже и пролежни не начались, я помазала зеленкой — все вроде нормально. "Ну все, Татьяна Ивановна, отдыхайте". Было около восьми вечера, когда я приехала домой, а в пол-одиннадцатого мне уже позвонили: "Татьяна Ивановна умерла".

Звезда умерла тихо. В палате кроме нее лежали еще две больные. Они сказали на вечернем обходе, что Пельтцер как-то ворочалась, но не кричала, никого не звала.

Похоронили Татьяну Ивановну на Введенском кладбище, где лежит ее отец и мать. За могилкой присматривает бывшая домработница, материально помогает "Ленком". Он же восстановил прежние завещание актрисы — квартиру отписана домработнице, архивы с фотографиями — театру, библиотека — Марку Захарову.

Завтра на Введенском кладбище соберутся все, кто знал и любил замечательную и удивительную Татьяну Пельтцер — великую комическую старуху. Такую же, как Фаина Раневская. И судьбы их очень схожи — обе вошли в историю гениально сыгранными эпизодами или небольшими ролями. А также мечтой — сыграть главную роль. И тем, что мечта по большому счету осталась несуществующей.

Марина РАЙКИНА.